

УДК 130.3

UDC 130.3

09.00.00 Философские науки

Philosophy sciences

**ДИНАМИКА ЛИБЕРАЛЬНЫХ ИДЕОЛОГИЙ
В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА**

**DYNAMICS OF LIBERAL IDEOLOGIES IN
POSTMODERN PERIOD**

Гринь Максим Валентинович
доцент

SPIN-код: 1123-9787, AuthorID: 303931

grin.m@kubsau.ru

Кубанский государственный аграрный университет им И.Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Grin Maksim Valentinovich
assistant professor

SPIN-code: 1123-9787, AuthorID: 303931

grin.m@kubsau.ru

Kuban State Agrarian University named after I.T.Trubilin, Krasnodar, Russia

Рассматривается сущность либеральной идеологии, ее непосредственная связь с идеями Просвещения, причины победы либерализма над идеологическими конкурентами. Анализируются факторы, размывающие цельность либерализма в нынешних условиях постмодерна, рассматриваются основные направления современных модификации либерализма (либертарианство, агональный либерализм, кантианский либерализм). Определяются возможные перспективы либерализма как мировоззрения, в рамках которых констатируются по-прежнему сильные позиции либерализма как в силу его практической укорененности, так и в виду остающейся высокой популярности идей Просвещения в научных сообществах

The article considers the main point of liberal ideology, its spontaneous connection with ideas of Enlightenment, reasons of victory of liberalism over ideological competitors. The factors, which water down the integrity of liberalism in present conditions of the Enlightenment, are analyzed, the main trends of modern modification of liberalism (libertarianism, agonal liberalism, Kantian liberalism) are considered. There were determined the possible perspectives of liberalism as a world-view in limits of which there were stated the strong positions of liberalism as a practical rootedness as well as the high popularity of ideas of Enlightenment in scientific communities

Ключевые слова: ИДЕОЛОГИЯ, ЛИБЕРАЛИЗМ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ПРОЕКТ ПРОСВЕЩЕНИЯ, ПОСТМОДЕРНИЗМ, ПОСТЛИБЕРАЛИЗМ

Keywords: IDEOLOGY, LIBERALISM, GLOBALIZATION, PROJECT OF ENLIGHTENMENT, POST-MODERNISM, POST-LIBERALISM

Doi: 10.21515/1990-4665-133-089

Следует признать, что на протяжении большей части XX в. доминировали общественные системы, интерпретируемые как государства-нации. Кроме того, трудно переоценить роль крупных индустриальных структур, в рамках которых труд и капитал были настолько тесно взаимосвязаны, что их частые противоречия и конфликты, по меткому выражению З. Баумана, походили на «семейные ссоры» [1, 65]. Что касается культурной сферы, то здесь казалось непоколебимым господство модерна, основанного на идеях Просвещения, делающих ставку на рациональное мышление и ценностный монизм, четко определяющий ценности и антиценности. Тем самым имелись условия для формирования целостного мировоззрения и отражением этой целостности выступали три мировых тотальных идеоло-

гии – либерализм, консерватизм, социализм. Ожесточенная конкуренция между ними определяла их динамику на протяжении XX в.

По мысли британского ученого Дж. Шварцмантеля, упомянутые три классические идеологии не то чтобы совсем не учитывали проблематику идентичности, но стремились «объединить и сплотить множество людей вокруг разработанных ими проектов» [20, 209-210]. Более того, эти идеологические системы принимали непосредственное участие в формировании государственно-национальной идентичности, в чем и заключалась их функция, используемая правящими структурами. Особенно это проявилось в эпоху холодной войны, когда идеологическая принадлежность определяла приверженность государства к тому или иному геополитическому лагерью. Тем не менее, в плане государственно-национального самоопределения либерализм, социализм и консерватизм имели существенные содержательные отличия. Если первые два претендовали на глобальное самовыражение, стремясь преодолеть национальные рамки, то последний как раз выражал почвенническую привязку, предполагающую определенную культурно-пространственную замкнутость.

В эпоху модерна структуры общественной жизни развивались в более определенном и заданном направлении, в целом соответствуя проекту одной из трех классических идеологий. Но уже последние десятилетия XX в. факторы социальной динамики существенно поколебали, а местами и разрушили целостное мировосприятие. В условиях нарастания постмодернистских тенденций растут неопределенность и «текучесть» общественной жизни, что сказывается на целостности классических идеологий, переживающей не лучшие времена. Так, одни ученые констатируют их кризис (Дж. Шварцмантель, А. Смирнов), другие и вовсе их распад (Н. Буковская). Проблему традиционных идеологий довольно четко и лаконично определяет М. Федорова, считая, что либерализм, консерватизм и социализм «превратились в достаточно аморфные образования, лишенные четко

очерченных границ и однозначно трактуемых принципов» [18, 252]. В качестве универсальной черты, характеризующей проблематику всех представителей идеологической триады, констатируется размывание социальной базы, так как предлагаемые идеологиями «картины общества стало все труднее реализовывать и поддерживать на практике» [20, 39]. В то же время для каждого представителя идеологической триады кризис определяется собственными обстоятельствами, которые и будут проанализированы в настоящих статьях.

Но прежде следует сказать, что нам представляется поспешным констатировать конец классических идеологий. Последние стремятся приспособиться к условиям «ускользающей» (Э. Гидденс) или «текучей» (З. Бауман) реальности. Можно предположить усиление открытости современных идеологий по сравнению с их классическими вариантами. То есть актуализируется проблема коммуникации между идеологиями, поскольку идеология, даже в периоды догматизма никогда не переставала быть открытой системой, находящейся в состоянии обмена информацией с внешним миром. По ходу упомянутого идейного обмена происходит не только отбор ценностей, но и их своеобразная интерпретация в русло собственных интересов и целей [3, 296-297].

По мнению Н. Буковской, интеграция идеологических систем может происходить на основе, во-первых, сходства целей и ценностей, во-вторых, выгоды и конъюнктуры, в-третьих, принуждения и давления обстоятельств [3, 301]. В то же время интеграция отнюдь не обязательно носит только позитивный характер. По ходу идеологического синтеза не исключена актуализация дегуманистических сторон ценностей в тех или иных конфигурациях. «Циркуляция идей в общественном сознании является самоорганизующимся процессом, поэтому при сколь угодно малом воздействии каких-либо факторов равновесие может быть нарушено и начинается уско-

ренный идеологический, а вслед за ним и политический синтез в неожиданном направлении» [3, 305].

Какова же содержательная динамика *либерализма*, судьба которого из всей мировой идеологической триады, несомненно, самая успешная? Его содержательная сущность происходит из мировоззрения Просвещения и на первых порах либерализм не являлся философией рынка [20, 91], выступая с гуманистических позиций. К. Маннгейм, характеризуя утопическое ядро либерализма, отмечает его с самого начала бросающуюся в глаза абстрактность, оторванность от жизни [13, 187]. Это весьма распространенный довод критиков либерализма, однако некоторые аспекты последнего говорят, о его приземленности, привязке к социальной практике. Предпосылки классического либерализма - секуляризация и расширение экономических отношений. Духовным подспорьем послужили элементы западной культурной традиции, а именно принцип индивидуализации, имеющий глубинные внутриличностные корни (о чем свидетельствуют персонологи: А. Маслоу, Г. Меррей, А.Адлер и др.), а также усиленный рядом объективных обстоятельств. Традиция индивидуализации органично вписывалась в механистическую картину мира И.Ньютона, предлагающую атомарное строение материального мира. И подобное видение было перенесено на мир социальный, в связи с чем, индивид представал атомом человечества – свободным, неделимым, в непрерывном движении и соударении [9]. Тем самым идеальной основой либерализма выступает «индивидуальная свобода». Из подобной интерпретации вытекало понимание естественных и неотъемлемых прав, присущих каждому человеку. Однако эти права имели вполне конкретное содержательное наполнение, выраженное в начале XIX в. де Ребеком. Это «право каждого подчиняться одним только законам, ... право каждого высказывать свое мнение, выбирать себе дело и заниматься им; распоряжаться своей собственностью, даже злоупотребляя ею;. ... это право каждого влиять на осуществление правления» [11, 175-176]. Вместе

с тем по ходу развития либеральных учений обозначились две трактовки свободы – негативная и позитивная. И. Берлин увидел противоречивый характер этих свобод. Если первая предполагает лишь стремление к определенной автономии личности от вмешательства властно-управленческих структур, тогда как вторая трактовка свободы легко расширяется до обоснования властного произвола [2].

Суть фундаментальных признаков классического либерализма формировалась как под влиянием идей Просвещения, так и под воздействием социальной среды, меняющейся в сторону индустриализации. Это: 1) уважение естественных прав человека; 2) индивидуализм, выдвигающий на первый план личность, и отодвигая общество на второй; 3) идея правового государства, ограниченного во властных функциях; 4) конституционализм, обеспечивающий гарантии индивидуальной свободы и правовое равенство [15, 35]. При этом либерализм объявляет видение мира с позиции исключительно Разума, настаивая на свободе от разного рода традиционных ограничений. В этой связи расплывчатые моральные категории заменялись четко регламентированным правом.

Историческим стимулом либерализма явилась борьба среднего сословия против ограничений традиционного социума – сословного порядка, королевского абсолютизма, церковно-религиозных структур. При этом носителем либерального сознания поначалу были представители разных слоев населения – буржуазия, дворянство и даже некоторые священники. Однако по ходу истории выкристаллизовалась социальная база либерализма, включающая средний слой, буржуазию и интеллигенцию.

Объявляя свободу от моральных ограничений, либерализм создавал собственную ценностную среду, исходя во многом из социального контекста развития капитализма. А. Смит сделал попытку духовного оправдания денежно-коммерческих отношений, сформулировав в их пользу девять моральных аргументов [17, 90-91]. Тем самым деньгам предписывается ста-

тус главного социально-дифференцирующего признака. Центральный идеал - свобода рассматривалась, прежде всего, в экономическом ключе, в то время как юридическое равенство нейтрализует сословное разделение. Категории «справедливости» был придан характер формальной законности, и в силу своей абстрактности и формальности либеральная справедливость превратилось в «теоретическое оправдание всех социальных расслоений, реального разрыва между бедностью и богатством» [18, 261]

Тем самым либерализм, изначально приверженный гуманистическим целям личностной свободы, по ходу изменений социального бытия все более оправдывал капиталистические отношения, превращаясь в классовую идеологию лидирующих (предпринимательских) групп. Однако логика капитализма, предполагая жесткое социально-экономическое расслоение, стимулировала обострение «социального вопроса». Отсюда был дан толчок поискам альтернативного проекта представителями левого крыла Просвещения, которые ту же категорию Справедливости стремились наполнить более конкретным социальным содержанием.

Практически, начиная с Великой Французской революции, либерализм столкнулся с жестким противостоянием на духовном уровне. Если поначалу главным оппонентом выступал консерватизм, то примерно с середины XIX столетия в качестве идеологического противника заявил о себе социализм. Пик идеологического противостояния приходится на большую часть XX в., что отразилось в определении его как «века идеологий». Победа либерализма в его борьбе с оппонентами объяснима рядом факторов. Во-первых, большая практическая привязка либерализма к индустриализирующемуся социуму, его большая гибкость в зависимости от изменения ситуации. Во-вторых, либерально-капиталистический лагерь всегда сохранял единство, умело пользуясь противоречиями в рядах идеологических оппонентов. Причем удавалось не только не допускать антилиберальной консолидации идейных альтернатив, но и раскалывать их изнутри

[7, 22]. В-третьих, личностный фактор – деградировавшая правящая верхушка стран социализма практически без боя сдала свои идеологические и геополитические позиции.

Однако победив своих оппонентов, либерализм столкнулся с новыми проблемами в условиях вытеснения модернистских тенденций постмодернистскими. Философ и геополитик А. Дугин склонен полагать, что либерализм, воплотившись на практике, перестал быть идеологией, став своего рода «судьбой», бытийным фактом [8, 12-15]. Тем не менее сама же либеральная практика, по ходу развития постмодерна, превращается в опровержение либеральной теории. Так, идея свободного рынка опровергается усиливающимся монополизмом, тезис национального суверенитета ставится под сомнение международными организациями и усиливающейся геополитической гегемонией, наконец, идея свободного индивида доводится до абсурда практикой политкорректности и той же ювенальной юстиции. Кроме того, глобальное распространение либерального проекта сталкивает его с различными культурными традициями, основательно выхолащивающие либеральные принципы на практике.

С другой стороны, содержательное развитие либеральных форм мышления приводит их к экстремальным формам, обозначаемым А.Дугиным как постлиберальный гротеск. Сюда относится обожествление или «трансцендентализация» частной собственности, превращение равенства возможностей в равенство созерцания возможностей (общество спектакля), приравнивание реального и виртуального миров, исчезновение всех форм внеиндивидуальных авторитетов и т. п. [8, 43-44]

В связи с вышесказанным, кризис либерализма как идеологии, о котором пишут многие ученые, представляется логичным. Но, следует предположить, что этот кризис не столько в сфере практики, сколько больше затрагивает политико-философский дискурс, вызывая споры в академических кругах. Так, германский мыслитель Г. Рормозер полагает, что либера-

лизм выполнял функцию сплачивания западного мира в ходе ожесточенной конкуренции с социалистическим проектом. После краха последнего либерализм, соответственно, растерял свои мобилизационные возможности [16]. Американец И. Валлерстайн больше видит в кризисе либерализма объективные причины, связывая их с кризисом мировой системы в целом, идеологическим обоснованием которой либерализм выступает [4]. Британец Дж. Шварцмантель считает, что либерализм недорабатывает в содержательном плане, так как «возвеличивание человека как независимого потребителя требует особого концепта свободы [20, 115]. О неудаче радикального либерализма, как знакового явления современности, пишет и отечественный ученый В. Макаренко [12].

Проблемы либерального мышления признаются даже среди его сторонников, многие из которых стремятся отстаивать принципы классического либерализма, пошатнувшиеся в условиях постмодернизма. А. Дугин пишет о своего рода «либеральных консерваторах», которые соглашаются с главным трендом модерна, но оспаривают его наиболее авангардные проявления, считая их слишком опасными и поспешными [8, 89]. Обычно ведется речь об идейном и культурном плюрализме, в условиях которого возможно появление каких угодно сил, даже самого архаичного и антилиберального плана. Так, Ф. Фукуяма настойчиво призывает «сдать назад» и задержаться на предыдущей фазе классического либерализма, чтобы избежать скольжения в постлиберальную бездну [8, 44]. Ю. Хабермас утверждает, что если «мы сейчас не сохраним жесткого духа Просвещения, верность идеалам свободного субъекта, ... то мы слетим не просто в хаос, а вернемся в тень традиции, смысл борьбы с которой представлял собственно модерн» [19].

Современные сторонники классического либерализма пытаются отстаивать его позиции, доказывая, что либеральная форма все же является наиболее толерантной и допускающей «реальное инакомыслие». Г. Мусихин утверждает, что либеральная демократия есть на сегодня оптимальный

путь к сохранению разнообразия и толерантности, «поскольку в качестве реальной политической тенденции сочленение плюрализма ценностей, разнообразия и толерантности присутствует только в либерально-демократическом мире» [14, 50]. Думается, что в сегодняшних условиях «капсуализации» культур и вспышек этнонационализма из-за малого контроля за миграциями подобные аргументы несколько устарели. Неубедительно звучат попытки того же автора доказать, что вина за силовой «экспорт демократии» ложиться лишь на произвол отдельных политиков, но никак не на современный либерализм [14, 52-53].

Другой сторонник либерализма В.Вольнов приводит главный аргумент защиты либеральной идеи и формы жизни, заявляя, что это «есть на деле метаформа жизни и потому не может быть поставлена в один ряд со всеми остальными. Ее понижение до всего лишь одной из множества форм жизни есть прямое нарушение законов логики, ибо потому она и либеральная, что является условием возможности этих самых форм» [5]. Здесь уже можно констатировать своего рода попытку сакрализации либерализма, который видится некоей трансцендентной сущностью, определяющей все остальные формы жизни. Но подобная логика вполне может примениться и к другим идеям (например, социалистической), с тем же самым результатом.

Усиливающиеся в классических идеологиях открытость и гибкость в не меньшей степени касаются и либерализма. Более того, именно подобные качества всегда отличали либеральную идеологию, что давало ей известные преимущества над конкурентами. Противоречия, с которыми столкнулись либеральные концепты, а также определенная моральная «убогость» неолиберализма [20, 99] дают толчок ряду теоретических работ в рамках политико-философского дискурса.

Известной версией обновленного либерализма является, так называемое, *либертарианство*, представляющее собой синтез либеральных и

анархистских положений (анархо-капитализм). Сторонники либертарианства называют его версией «истинного либерализма». Видными представителями считаются Ф.Хайек, М.Ротбард, А. Рэнд, Р.Нозик. Например, Р. Нозик уже в 70-е годы жестко критиковал государственную систему, видя в ней синоним абсолютного зла. Причина виделась в государственной функции перераспределения собственности, что указанный автор считал совершенно недопустимым. Государство никак не может обладать собственными средствами и ресурсами - это прерогатива только индивидов. Права индивида, как и его способности и средства рассматриваются как форма частной собственности и абсолютизируются [22]. Функции государства только сводятся к охране названных прав. Абсолютизация индивидуализма в теории Р. Нозика и других либертарианцев привела к суженному взгляду на социальные аспекты социализации, а также к требованию максимальной дерегуляции общественных отношений. В большинстве либертарианских теорий указывается на необходимость легализации наркомании, проституции, гомосексуализма и т.д.

Также обновленный вариант либерализма, но в морально-этическом духе предложил американский мыслитель Джон Ролз. Его версия получила определение *кантианского либерализма*, представляя синтез идей И.Канта и утилитаризма. В основной работе «Теория справедливости» (1971г.) Д. Ролз пытается максимально приблизить положения классического либерализма к универсальным моральным стандартам. Эта попытка не была успешной, так как ряд теоретически сильных последователей Д. Ролза (Б.Аккерман, Р.Дворкин, Б.Кашников) [10] развивают и популяризируют его идеи. Суть морального либерализма Д. Ролза сводится к тому, что любой разумный индивид, не испытывающий воздействия национальности, уровня образования, социального и политического положения, выберет именно либеральную форму жизни. Отсюда следует, что предпочитать либерализму какой-либо другой политический порядок бессмысленно. Про-

блема справедливости решается Дж. Ролзом тем, что социальное неравенство является оправданным лишь тогда, когда оно содействует улучшению положения обездоленных людей. Из этого следует максимально-минимальный принцип теории справедливости. Суть которого - в подведении к максимуму минимального уровня ресурсов, расходов, и потребления.

Английский философ Джон Грей считает, что теория Д. Ролза имеет больше идеологический смысл, чем отражает реальную практику. Концепция личности, вырванной из культурного контекста, фактически сводит субъекта до наделенной правами «нулевой величины». И подобная «нулевая величина» превращается в инструмент, «посредством которого можно обойти молчанием или скрыть непримиримость культурной идентичности различных групп в Соединенных Штатах последнего времени» [6, 236]. Таким образом Д. Грей видит в подходе Д. Ролза отражение американских представлений по поводу слияния разнообразных культур в единый глобальный порядок по образцу США, а следовательно должна рассматриваться как вариант обоснования их гегемонии.

В современной политической философии имеются попытки, развить классические либеральные принципы с точки зрения культурного плюрализма. Так, И. Берлин и Д. Рац являются авторами концепции *агонального либерализма*. Опорным тезисом здесь выступает утверждение культурно-ценностного плюрализма. По словам Д. Раца, «факт существования множества видов деятельности и образов жизни, имеющих ценность, первичен и неустраним» [23]. Следовательно, либеральные принципы обрабатываются конкретными культурами, порождая особые формы. В итоге американский либерализм обязательно будет существенно иным, чем либерализм других стран и культур. В то же время сторонники агонального либерализма утверждают ограничения плюрализма ценностей - добро и зло

имеют общечеловеческий смысл, а не принадлежат отдельным культурам. То есть, «из несоизмеримости (ценностей) не следует релятивизм» [21].

Итак, можно предположить, что либерализм, победив своих идеологических конкурентов, стал испытывать внутренние затруднения. Глобальная неолиберальная практика все дальше расходится с положениями классического либерализма, фактически ставя под вопрос их действительность. Это стимулирует довольно интенсивный дискурс в науке и публицистике по поводу судьбы либерального мировоззрения и его возможных модификаций. Тем не менее, позиции либерализма являются наиболее сильными не только в силу его практической укорененности в социальной действительности, но и в виду по-прежнему высокой популярности идей Просвещения в научных сообществах, которые остаются верными принципам рациональности, выступающим главным коньком либерального мировоззрения.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность. / З. Бауман – СПб.: Питер, 2008.
2. Берлин И. Два понимания свободы // Берлин И. Философия свободы. Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
3. Буковская Н.В. Метаморфозы политико-идеологического дискурса: интеграция ценностей / Политическая теория, язык и идеология. М., 2008.
4. Валлерстайн И. После либерализма./ И. Валлерстайн – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
5. Вольнов В. Либерализм совершает самоубийство? Интернет ресурс: http://www.politstudies.ru/universum/biblio/07_04_03/15_grey.htm, дата обращения 21.02 2014.
6. Грей Дж. Поминки по Просвещению: политика и культура на закате современности. М.: Праксис, 2003 С.236.
7. Дугин А.Г. Философия войны. М.: Яуза, Эксмо, 2004.
8. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века./ А.Дугин – СПб.: Амфора, 2009.

9. Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука – М.: Алгоритм, 2002. – 252 с.
10. Кашников Б.П. Либеральные теории справедливости и политическая практика России / НовГУ им. Ярослава Мудрого – Великий Новгород, 2004. – 260с.
11. Констан де Ребек. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Мухаев Р.Т. Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений. М., 2000.
12. Макаренко В.П. Главные идеологии современности. / Ростов на Дону: Феникс, 2000.
13. Маннгейм К. Идеология и утопия // Маннгейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
14. Мусихин Г.И. Плюрализм политических ценностей или всеобщий императив свободы личности: выбор не predetermined / Г.Мусихин // Политика – 2007. - №3 (46).
15. Ровдо В.В., Чернов В.Ю., Казакевич А.Н. Мировые политические идеологии: классика и современность – Минск, 2007. С.35.
16. Рормозер Г. Кризис либерализма / Пер. с нем. - М.: ИФ РАН, 1996. – 298 с.
17. Согомонов А.Ю. Культура «денежного успеха» // Ведомости. Моральный выбор. Вып. 20. Тюмень, 2002.
18. Федорова М.М. К вопросу о генезисе понятия идеологии (Просвещение и идеология). / Политическая теория, язык и идеология. М., 2008.
19. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект /Ю. Хабермас. Политические работы –М.: Праксис, 2005. – С. 7-31.
20. Шварцмантель Дж. Идеология и политика. / Дж. Шварцмантель – Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2009.
21. Berlin I. The Crooked Timber of Humanity. London, 1990.
22. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. New York, 1974.
23. Raz J. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics, Oxford.

References

1. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost. / Z. Bauman – SPb.: Piter, 2008.
2. Berlin I. Dva ponimaniya svobodi // Berlin I. Filosofiya svobodi. Evropa. M.: Novoye literaturnoye obozrenie, 2001.
3. Bukovskaya N.V. Metamorfozi politico-ideologicheskogo diskursa: integratsiya tsennostey / Politicheskaya teoriya, yazyk I ideologiya. M., 2008.
4. Vallerstain I. Posle liberalizma. / I. Vallerstain – М.: Editorial URSS, 2003. – 256 s.

5. Volnov V. Liberalism sovershaet samoubiistvo? Internet resurs: http://www.politstudies.ru/universum/biblio/07_04_03/15_grey.htm, data obrascheniya 21.02.2014.
6. Grei J. Pominki po Prosvescheniyu: politika i kultura na zakate sovremennosti. M.: Praksis, 2003 s.236.
7. Dugin A.G. Filosofiya voini. M.: Yauza, Eksmo, 2004.
8. Dugin A.G. Chetvertaya politicheskaya teoriya. Rossiya i politicheskie idei XXI veka./ A.Dugin – SPb.: Amfora, 2009.
9. Kara-Murza S.G. Ideologiya i mat' ee vnuka – M.: Algoritm, 2002. – 252 s.
10. Kashnikov B.P. Liberalnie teorii spravedlivosti I politicheskaya praktika Rossii / Nov-GU im.yaroslava Mudrogo – Velikii Novgorod, 2004. – 260s.
11. Konstan de Rebek. O svobode u drevnih in ee sravnenii so svobodoi u sovremennih lyudei // Muhaev R.T. Hresomatiya po teorii gosudarstva i prava, politologii, istorii politicheskikh i pravovyh uchenii. M., 2000.
12. Makarenko V.P. Glavnie ideologii sovremennosti. / Rostov na Donu: Feniks, 2000.
13. Mannheim K. Ideologiya i utopiya // Mannheim K. Diagnos nashego vremeni. M., 1994.
14. Musihin G.I. Plyuralism politicheskikh tsennostei ili vseobshii imperative svobodi lichnosti: viber ne predopredelen / G.Musihin // Politiya – 2007. - №3 (46).
15. Rovdo V.V., Chernov V.Yu., Kazakevich A.N. Mirovie politicheskie ideologii: klassika i sovremennost – Minsk, 2007. s.35.
16. Rormozer G. Krisis liberalizma / Per. s nem. - M.: IF RAN, 1996. – 298 s.
17. Sogomonov A.Yu. Kultura “denezhnogo uspeha” // Vedomosti. Moralniy viber. Vip. 20. Tyumen, 2002.
18. Fedorova M.M. K voprosu o genesise ponyatiya ideologii (Prosveschenie I ideologiya). / Politicheskaya teoriya, yazyk i ideologiya. M., 2008.
19. Habermas Yu. Modern –nezavershenniy proekt /Yu. Habermas. Politicheskie raboti –M.: Praksis, 2005. – s.7-31.
20. Schvartsmantel J. Ideologiya i politika. / J. Schvartsmantel – Harkov: Izdatelstvo Gumanitarniy centr, 2009.
21. Berlin I.The Crooked Timber of Humanity. London, 1990.
22. Nozick R. Anarchy, State and Utopia. NewYork, 1974.
23. Raz J. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics, Oxford.